

Знаю многих капитанов

Из письма учеников 7-го класса «А» средней школы села Доброе Липецкой области: «Недавно у нас прошла читательская конференция по книге В. Каверина «Два капитана». Нас взволновала судьба Саши Григорьева и Кати Татариновой. Просим газету «Советская Россия» рассказать в «Пригласительном билете» о прообразах героев романа...»

Ответить школьникам и многим другим читателям, приславшим подобную просьбу, мы попросили самого писателя.

— Вениамин Александрович, ваш роман мне подарил в день рождения отец: «Прочти обязательно. Стоящая книга, я в твои годы зачитывался». Недавно его взяла с полки моя дочь... Наверное, перефразируя Белинского, можно сказать, что не одно поколение советских читателей выросло из ваших «Двух капитанов», а ставшие крылатыми слова «Бороться и искать, найти и не сдаваться» стали для многих из нас жизненным девизом...

Хотелось бы знать, как родились герои романа.

— Герои, как в жизни, так и в литературе, рождаются не просто по авторскому хотению. Их рождает время. Вспомните Павку Корчагина, неистово рвущегося вперед. Он был нужен эпохе 20-х годов, и он родился под пером Николая Островского, чтобы стать примером для советской молодежи.

А тридцатые годы. Вспомните слова песни: «Когда страна прикажет стать героем, у нас героем становится любой». Фильм «Семеро смелых»: «Мо-

лодые капитаны поведут наш караван». Это ведь все из жизни.

Писатели всегда — и тогда, и теперь — искали и будут искать положительного героя. Но ведь само понятие «герой» весьма относительное. Можно быть вполне героем, но для себя или, вернее, чтобы быть им в глазах окружающих. И для этого тоже требуются и мужество, и честность, и решительность. Но можно быть и «негромким» героем, героем не момента или поступка, а целой жизни.

Я знал такого человека. Звали его Михаил Ефимович Лобашев. Впервые я встретился с ним в 1933 году в санатории.

Это был молодой ученый, посвятивший свою жизнь проблемам генетики — учения, в те годы подвергавшегося резкой критике, почти ostrакизму. Меня поразили в нем две вещи. Упорство, с которым он спокойно, последовательно, постоянно всегда и везде отстаивал свои научные взгляды. Не отступая, не выжидая лучших времен, не прячась за удобную формулировку, что, мол, еще мое время не пришло. И, может быть, поэтому, когда его время пришло — впоследствии он стал видным ученым, создал учебник по генетике, — оказалось, что он не растерял на долгом жизненном пути ни своих научных убеждений, ни своих нравственных принципов. Познако-

мились мы с ним на бильярде. Игрок он был никудышный, слабенький. Я легко его поначалу обыгрывал. А он каждый мертвый час уходил на бильярд и там сам с собой гонял шары. Каждый день, постоянно. К концу нашего пребывания в санатории уже он свободно обыгрывал меня. Причем ничем не проявляя своего торжества. Спокойно и просто. Мелочь? Пустяк? Но недаром же говорят: посеешь привычку — пожнешь характер.

И другое в нем поразило. Его тонкая интеллигентность, начитанность, умение глубоко разбираться в художественной литературе, понимать суть исторических событий, видеть их глубинный смысл, чувствовать тончайшие нюансы. А ведь он не был потомственным интеллигентом. Он был человеком, который, как говорят американцы, сам себя сделал. Сын грузчика из небольшого приволжского городка. Рано лишился отца. Мать вышла замуж за другого. Беспризорничал, пока не попал в школу-коммуну... Впрочем, вы, наверное, заметили: я практически начал пересказывать начало биографии Сани Григорьева...

— Вениамин Александрович, а профессия вашего героя — полярный летчик, это откуда?

— Из другой встречи, с тоже реальным человеком, Самуилом Яковлевичем Клебановым — шеф-пилотом Ленинградского аэропорта. Мол-

чаливым, предельно сдержанным человеком, великолепно знающим свое дело, исследователем Арктики, умницей, которого любили и уважали все, кто с ним сталкивался. В 1943-м героически погиб в партизанском крае — его самолет был подбит уже после того, как разбомбил вражеский объект...

— Известно, что прототипом полярного капитана Татаринова вам послужила личность Седова. А профессор Корблев — это вымышленная фигура?

— Нет. В действительности его звали Николай Васильевич Пинегин. Известный полярный художник. Друг Седова. Разыскивший останки экспедиции и приведший в годы первой мировой войны в один из северных портов «Святого Фоку» — судно Седова. Человек, обладавший уникальной способностью так взглянуть в глаза, что ни один самый закоренелый лжец не мог солгать ему. Не мог, и все тут.

— Вениамин Александрович, ваш роман «Два капитана» реалистичен по содержанию и в то же время романтичен по духу, его пронизывающему...

— Вы знаете, а может быть, не стоит так резко делить эти понятия. Чтобы не получилось так, что «Зависть» Олени, «Белая гвардия» Булгакова, «Кюхля» Тынянова, а из современных, скажем, «Буранный полустанок» и «Белый пароход» Айтматова оказались зачисленными в разряд романтических. А лучшие произведения, к примеру, Казакова, Трифонова, Распутина, были, как в школьном учебнике, раз и навсегда причислены к суровому реализму. Ведь и их книги тронуты веянием романтики. Романтикой не в смысле формы, а в смысле духовной, художественной поэтичности восприятия мира. Здесь ведь тоже, как в жизни. Нельзя сказать, что романтики работают только на БАМе, а в колхозе, на ферме сплошь прагматики...

— Вениамин Александрович, поскольку мы начали нашу беседу с письма семиклассников, что бы вы хотели пожелать молодежи — вашим нынешним и будущим читателям в Новом году?

— Думать не только о себе, вернее, в первую очередь не о себе — жить интересами страны. Не терять времени даром. Быть целеустремленными. Более сдержанными в проявлении чувств, вернее, во внешнем их проявлении. А главное: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Беседу вел
П. СМЕРНОВ.

Соб. Россия, 1985, 1 янв.